

Конечно, Джо был прав. Он помог мне удержаться на плаву и благословил мое решение, а это для меня много значило. Я сразу вспомнил слова Риззуто о том, что, каким бы ни был счет, если Джо рядом, в центральном аутфилде, то есть все шансы на победу. Джо в моей жизни был как раз центральным филдером. С Джо Ди Маджо в команде я не мог проиграть.

УТРАЧЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Sunday, - June 13, 1993

Emily - Dom's wife, just called - wants me to spend a week with Dom and see each other, which is a reality. Told her that that date is not possible (15th of July; Have obligations. But, will do in some - when convenient to us both. Dinner with Paulina at Helen restaurant in Hudson town.

Wednesday, - June 16, 1993

Called and talked to my grand-daughter Paula, and Vanessa my great grand-daughter to congratulate them on her performance on stage for Ballet Class.

Джо Ди Маджо не везло в любви. Его первый брак со старлеткой Дороти Арнольд стал, вероятно, первым его крупным разочарованием в личной жизни. Их сын Джо-младший был постоянным источником забот и душевной боли. Краткий брак с Мэрилин Монро и ее трагическая смерть, ссора со старым другом Фрэнком Синатрой и неприязнь к клану Кеннеди десятилетиями служили пищей для желтых газет, журналистов и биографов. Учитывая неписанные правила Джо, я понимал, что не следует лезть в его личную жизнь и касаться былых драм. Я не сомневался в том, что при первом же упоминании имени Мэрилин немедленно услышу в ответ: «До свидания, заплати по счету», получив билет в один конец на экспресс в Сибирь.

Со временем Джо стал мне доверять и мало-помалу начал рассказывать о перипетиях своих отношений с женщинами. Не думаю, что многие слышали от него о неудачных браках, о влиянии на него преждевременной смерти Мэрилин Монро и о болезненном разрыве с сыном.

Впервые он завел подобный разговор за завтраком в кафе «Гардения». Мы мило болтали, ожидая, когда принесут еду, и я заметил, что Джо был разговорчивее обычного. Случайно всплыла тема женщин и романов с ними. Не помню, как это вышло и о чем, собственно, мы говорили, потому что разговор свернул на тему, которая затмила все.

— Знаешь, Док, — начал Джо, — я был женат на двух актрисах.

«Да ладно», — подумал я.

Я не поднимал голову от чашки кофе, понимая, что Джо замолчит, если я взгляну на него. Он делал так каждый раз, когда чувствовал, что я слушаю слишком внимательно, особенно если дело касалось его личной жизни. Много раз он приоткрывал дверь воспоминаний — и тут же ее захлопывал. Поэтому я научился сидеть тихо, слушать и не проявлять эмоций.

— Мою первую жену, Док, звали Дороти Арнольд. Она была танцовщицей и родила мне сына Джо, — продолжал он. — Мы встретились на съемках фильма «Манхэттенская карусель». Я играл там

самого себя и даже пел там песню «Have You Ever Been to Heaven?»*. Я увидел ее и пропал.

Я поднял глаза, кивнул и сразу же продолжил разглядывать свою чашку кофе.

— Я всегда ее любил, — признался Джо. — Она была отличной девушкой, но у нас не получилось. Не сошлись характерами.

— Угу, — неопределенно хмыкнул я.

— Она слишком любила шоу-бизнес и общалась не с теми людьми.

Я понимал, что он имеет в виду.

— И... и, — тут Джо помолчал, — я почти уверен, что она изменяла мне с одним банкиром с Уолл-стрит. Конечно, я об этом никогда никому не рассказывал.

Я поверить не мог, что он решил поведать мне настолько личную историю.

На их свадьбу в Сан-Франциско явились тысячи поклонников.

Через пять лет Джо и его неверная жена оказались в суде в процессе развода. И этот процесс превратился в стирку грязного белья перед всем Голливудом. В это время Джо очень беспокоился о своем сыне. На мой взгляд, Джо-младший был тогда для него на первом месте.

Голливудский показательный бракоразводный процесс стал для Дороти Арнольд способом манипулирования Джо. Она путалась со своим инвестиционным банкиром прямо в присутствии сына Джо. Она решила, что громкий развод заставит Джо дрогнуть и отступить, — и оказалась права. Италоамериканец старой школы постыдился бы публичного обсуждения неверности своей супруги и неудачного брака. Она сыграла на желании Джо защитить свою личную жизнь и — в первую очередь — своего сына от излишнего внимания журналистов.

— Да, развод стал испытанием, особенно для моего маленького Джо, — с сожалением сказал он.

Я слушал внимательнее, пытаюсь при этом не встревожить Джо: он продолжал описывать пытку бракоразводного процесса, затеянного его женой — женщиной, которую он любил.

— Дороти всегда старалась встать между мною и сыном. Даже после развода она снова хотела затащить меня в суд, утверждая, что я даю ей недостаточно денег на содержание.

* «Были ли вы в раю?»

В его голосе зазвучала горечь. Джо объяснил, что были назначены судебные слушания по вопросу увеличения алиментов и повышения установленного при разводе содержания.

Но Джо был к этому готов и представил отчет частного детектива о неумеренных тратах бывшей жены после развода.

— Она не ожидала, что я знаю о том, что большую часть алиментов она тратит на прически и маникюр. Было очевидно, что те деньги, которые я даю ей на хозяйство, она расходует на свои личные нужды.

Джо поерзал в кресле и внимательно посмотрел на меня, изучая мою реакцию. Я не осмеливался даже моргать.

— Никогда не забуду, как судья подозвал нас обоих к себе и обратился к моей бывшей жене в моем присутствии.

Я осторожно приподнял брови.

— Он сказал Дороти: «Миссис Ди Маджо, я думаю, что вы слишком много денег тратите на парикмахера и другие личные нужды, поэтому отказываю вам в увеличении содержания. Я советую вам не делать из моего решения публичного спектакля, потому что иначе я вынесу благоприятный вердикт в пользу вашего бывшего мужа и это еще больше осложнит ваше положение».

Несмотря на всю нежелательную шумиху вокруг развода, Джо продолжал любить Дороти. Она была матерью его сына и любовью всей его жизни. И с разводом любовь не кончилась — он пронес ее свет через года. Хотя он плакал при всех из-за Мэрилин, первый неудачный брак произвел на него столь же опустошительный эффект.

Джо много раз говорил мне, что всегда пытался быть хорошим отцом, раз уж хорошим мужем стать не удалось. Он продолжал заботиться о физическом и душевном благополучии своего единственного сына. Порой он прыгал на поезд в Нью-Йорк прямо посреди затяжной выездной серии «Янкиз», чтобы провести с маленьким Джо день или хотя бы несколько часов, а затем вновь возвращался к команде. И все же он считал, что не преуспел в воспитании Джо-младшего, который пережил отца всего на несколько месяцев.

Однажды он рассказал, как они с Фрэнком Синатрой — в лучшие дни их дружбы — обменивались родительским опытом. Оба они понимали, что их сыновья не выдержат бремени славы их отцов. И они были правы. Хуже того, оба мальчика носили те же имена, что и их знаменитые родители.

— Мы довольно часто обсуждали сыновей с Фрэнком, — признался однажды вечером Джо. — Нашим детям пришлось очень трудно из-за нашей славы.

На почве любви к детям они во многом и сошлись. В конце концов, Джо и Фрэнк были очень заботливыми отцами. Их привязанность к сыновьям трудно переоценить. Даже когда они перестали разговаривать друг с другом, эта черта все еще объединяла их. У меня сложилось впечатление, что и Фрэнк, и Джо понимали, что недостаточно сделали для сыновей. О сыне Джо всегда говорил с горечью и болью, тяжело переживая свою неудачу.

В другой раз мы ужинали в кафе «Три парня». Джо доел фасолевый суп, кивнул в ответ на мою реплику и тщательно вытер рот салфеткой.

— Расскажу тебе забавную историю, — начал Джо. — Когда в пятидесятые я начал встречаться с Мэрилин, это многим не понравилось, а когда мы поженились, проблем стало еще больше. Почти все вокруг были недовольны.

— Сейчас такое даже представить трудно.

— Однажды мне позвонили от архиепископа Фултона Шина и сказали, что он хочет со мной встретиться. Конечно же, первое, о чем я подумал, было: «Какого черта он от меня хочет?» Конечно, я добрый католик, пусть и разведенный, и поэтому я решил, что католик должен нанести визит вежливости.

Американский архиепископ Фултон Шин был первым телепроповедником. Этот харизматичный отец церкви вел популярную телепередачу «Life Is Worth Living» («Жизнь стоит того, чтобы жить») — предтеча более известной программы почтенного Роберта Шуллера «Час власти». Архиепископ Шин рассказывал о католическом вероучении посредством только зарождавшегося телевидения. В церковных кругах он был очень популярен, его влияние было чрезвычайно велико.

Когда Джо позвонили из офиса архиепископа, он был не в Нью-Йорке, но посчитал приглашение достаточно важным, чтобы вылететь на встречу.

Его превосходительство встретил Джо в окружении всей своей свиты, в то время как он рассчитывал на частную аудиенцию. Джо сразу понял, что это неспроста.

Шин предложил Джо сесть, и после краткого обмена любезностями архиепископ превратился в проповедника. Он прочел Джо странную лекцию о важности его образа и об огромном влиянии Джо на молодых католиков.

Джо пересказал мне их разговор.

— Мистер Ди Маджо, понимаете, мы очень обеспокоены вашими отношениями с Мэрилин Монро. Вам не следовало на ней жениться.

Джо был поражен и в первую очередь подумал: что это за «мы» такие? Мы, папа римский? Мы, Североамериканская коллегия кардиналов и епископов? Мы, епархия или архиепархия Нью-Йорка?

По словам Джо, он сначала покраснел, а потом побагровел. Он решительно выпрямился на стуле. Но архиепископ Шин не закончил:

— Это не та женщина, которая может привить молодежи моральные качества.

Но с Джо было достаточно.

— А теперь послушайте, архиепископ Шин, — твердо сказал он. — Никто не может указывать мне, кого любить и на ком жениться. А теперь я считаю встречу законченной.

И Джо вскочил и пулей вылетел из резиденции архиепископа, лишённого дара речи — возможно, впервые в жизни.

— Вот это да! А чего он хотел — чтобы вы аннулировали брак? — спросил я, пораженный поступком архиепископа.

Джо пожал плечами. Мы посмеялись тому, как Джо не стал слушать бред святого отца и вызвал у него оторопь.

Думаю, что Джо решился рассказать мне о своем браке с Мэрилин Монро, потому что я никогда не упоминал ее и всегда стремился избегать данной темы. Постепенно он рассказал мне историю любви Мэрилин и Ди Маджо. Порой он даже шокировал меня своей прямоотой, рассказывая об их бурных взаимоотношениях.

— Док, я был женат на прекрасной девушке по имени Мэрилин, — сказал Джо, как будто бы я слышал об этом в первый раз.

Мне пришлось скрыть то, до какой степени я хотел услышать подробности, ведь Джо собирался затронуть тему, которая была для него главным табу. Говорить о Мэрилин он просто не привык.

Я знаю, что он рассказывал о Мэрилин Моррису Энгельбергу, моему соседу по Бруклину, но что именно — мне неизвестно, а сопоставлять показания мы с Моррисом не стали. Здесь во всей красе проявилась склонность Джо к распределению информации по Флориде, Калифорнии и Нью-Йорку.

Я должен предварить воспоминания Джо об этом браке напоминанием, что итальянские мужчины никогда не делятся интимными подробностями. Молчать о своих любовных связях — это закон. В ходе

бракоразводного процесса с первой женой Дороти Арнольд Джо отказывался упоминать о ее романах на стороне, даже когда она требовала все больше денег. Джо никогда не пошел бы на то, чтобы очернить в глазах общественности жену или сына, какие бы личные или профессиональные неприятности это ни повлекло. Подставить другую щеку, позволить себя избить — что угодно, только не это. Всегда защищай честь своей семьи, своих детей.

Поняв, что на Джо накатил приступ откровенности, я решил сохранить невозмутимый вид и не прерывать его рассказ.

— Да, Док, Мэрилин была хорошей девочкой, но при этом растерянной девочкой, — начал Джо. Он говорил о ней скорее как отец, а не как муж, и сразу опроверг множество слухов. Потом он уже заговорил о Мэрилин как о жене. — Мы так хорошо ладили.

Я понял, куда он клонил.

— Стоило нам оказаться вместе в спальне, казалось, начинается битва богов; грохотали громы, и блистали молнии.

Орудя вилкой, я думал: «Боже мой, Джо рассказывает мне о сексе с Мэрилин Монро, богиней секса».

Затем Джо признался, что взаимное влечение стало основой для лучшего секса в его жизни и сблизило их. Джо влекло к Мэрилин — и он полюбил ее; и наоборот. Вместе они переживали такую физическую близость, какой прежде не испытывали. Он все еще старался говорить обиняками, не давая волю воспоминаниям о сексе с Мэрилин. Все его описания были деликатными.

Джо по-прежнему следил за моей реакцией, но я молчал, слушая словно краем уха, что было не так-то просто в подобных обстоятельствах.

— Док, Мэрилин говорила, что ни один мужчина не удовлетворял ее так, как я, — добавил Джо.

Я не хотел встречаться с ним глазами и ковырял вилкой слоеное пирожное на тарелке.

Джо признался, что в Мэрилин ему не нравилось только отношение к личной гигиене. Он жаловался, что порой она по нескольку дней не принимала ванны — возможно, из-за приступов депрессии. Сам же Ди Маджо всегда соблюдал безукоризненную чистоту.

Джо объяснил их расставание совершенно иначе, чем газеты или другие досужие источники. С точки зрения Джо, они расстались, потому что Мэрилин не могла иметь детей — вот и все. Дело было не в диких приступах ревности и не в нежелании отступить на второй план

и оставаться в тени ее славы. Дело было не в том кадре из голливудского фильма, где поток восходящего воздуха из решетки метрополитена поднимал юбки Мэрилин. Дело было не в ее жажде славы, которая, как он уже понимал, стала для нее тюрьмой. Он просто хотел детей от Мэрилин. Хотела ли детей она — неизвестно, но иметь их не могла.

— Мэрилин поразило, — запинаясь, сказал Джо, — женское заболевание — неспособность зачать.

Джо посмотрел на меня тем взглядом, который солдаты называют «взгляд на две тысячи ярдов»: он был устремлен за невидимый горизонт.

Мне стало его жаль, а этот гордый человек никогда не захотел бы, чтобы его жалели.

Этими простыми словами Джо объяснил то, что упустили из виду все сплетники, журналисты и писатели: Джо хотел детей, а Мэрилин не могла их иметь. Жены итальянцев рожают детей. Джо хотел иметь детей от Мэрилин, а она — стать его семьей. Для итальянцев секс подразумевал детей. От отличного секса рождались отличные дети. Мэрилин же была богиней секса, но детей иметь не могла.

Джо замечал странности в поведении Мэрилин, но он плохо разбирался в психических заболеваниях, что не было редкостью для людей его поколения и происхождения. Мне показалось, что Джо просто не понял, что произошло. Ему предстояло сожалеть об этом всю жизнь.

— Они, — он помедлил и потом произнес слова, от которых у меня перехватило дыхание, — они погубили мою Мэрилин.

Я понимал, что лучше ничего не спрашивать.

— Да, Док, они ее погубили. Они убили мою бедную Мэрилин. — Джо терял самообладание. — Она не знала, что ее подкосило.

Казалось, он с трудом сдерживает слезы.

— Ладно, Док, — рявкнул он, — идем отсюда. Я уже достаточно наговорил.

Прошло несколько недель, прежде чем он вновь затронул эту тему. Мы обедали в «Ла Маганетт» — ресторане на Манхэттене, известном не только хорошей кухней, но и развешанными по стенам портретами знаменитостей. Один из владельцев ресторана, Фрэнк Кариди-младший, подобно многим италоамериканцам, обожествлял Фрэнка Синатру. С портрета размером четыре на три фута нам улыбался Фрэнк Синатра — в смокинге и со скрещенными руками.

Джо заметил портрет и отвернулся. В этот момент Фрэнк Кариди подошел к столику поприветствовать своего знаменитого гостя и сказал: